

щения посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», участия в судебных заседаниях с использованием систем веб-конференции». URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nra=109498> (дата обращения: 13.08.2022).

9. Электронное правосудие : монография / Е. В. Бурдина [и др.] ; под ред. Е. В. Бурдиной, С. В. Зуева. М. : РГУП, 2021. 344 с.

10. Электронное правосудие в цивилистическом процессе в условиях пандемии: сравнительно-правовой анализ / Т. А. Григорьева [и др.] // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 235–247.

УДК 342.3

Груздев Владислав Владимирович

профессор, и. о. проректора по научной работе
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
vgruzdev@ksu.edu.ru

Столяров Алексей Сергеевич

аспирант, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
asstolyarov@yandex.ru

Процессы формирования цифровой реальности

В данной статье описаны процессы формирования цифровой реальности, их интенсивность и глубина проникновения в общество, экономику и государственные институты. Проведена попытка оценки влияния цифровой реальности на общество и индивидуальные предпочтения человека. В статье описан исторический опыт отторжения и принятия обществом новых технологий. Проанализировано влияние цифровой реальности на общественные отношения, позитивные возможности развития человека, формирование «цифрового менталитета» граждан. В статье высказываются риски расширения цифровой реальности и их последствий для общества и государства.

Ключевые слова: цифровая реальность, цифровая среда, цифровизация государственного управления, суверенитет, глобализация, цифровая трансформация, цифровое государство.

Gruzdev Vladislav Vladimirovich

professor, vice-rector for scientific work
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Stolyarov Alexey Sergeevich

postgraduate student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The processes of formation of digital reality

This article describes the processes of digital reality formation, their intensity and depth of penetration into society, economy and state institutions. An attempt has been made to assess the impact of digital reality on society and individual preferences of a person. The article describes the historical experience of rejection and acceptance of new technologies by society. The influence of digital reality on public relations, positive opportunities for human development, the formation of a «digital mentality» of citizens is analyzed. The article discusses the risks of expanding digital reality and their consequences for society and the state.

Keywords: *digital reality, digital environment, digitalization of public administration, sovereignty, globalization, digital transformation, digital state.*

Чем выше уровень развития техники,
тем более стандартизированными
и одинаковыми становимся мы сами.

*Элвин Тоффлер, американский
социолог и футуролог*

В конце XX – начале XXI века на очередной волне глобализации человечество перешло на новый этап развития, обусловленный формированием «цифровой среды», ускоряющейся цифровой трансформацией практически всех сфер жизнедеятельности человека. Несмотря на трудности и риски развития цифровых технологий, в результате всепоглощающих процессов цифровизации сформировалась и продолжает активно расширяться цифровая реальность. Ее параметры, значение и динамика развития до настоящего времени недостаточно изучены. Однако, полагаем, что цифровая реальность устойчиво сформировалась, имеет стремительные, практически взрывные темпы распространения связанные в основном с развитием фундаментальных открытий в науке, скоростного беспроводного Интернета, цифровых технологий и уровнем формирования у населения планеты «цифрового менталитета».

В начале текущего столетия Генеральный секретарь ООН признал, что «интернет представляет собой... самое быстро растущее средство коммуникации и, вероятно, наиболее быстро распространяющийся инструмент из всех, которые когда-либо существовали» [1].

Человеческий страх перед очередными этапами технического прогресса и, как следствие, значительные изменения в общественном сознании сопровождает человечество с Первой аграрной революции (Э. Тоффлер) и продолжает овладевать им в настоящее время, не смотря на грандиозное развитие науки и общества. Так, немецкий историк и философ Р. П. Зиферле полагал, что в «истории почти всех высоких культур ... можно уловить скептическую настроенность по отношению к технике и пользе изобретений, или, по крайней мере, техника рассматривалась в демонически-зловещем свете» [2, с. 257].

Полагаем, что такой страх, может являться естественным предохранительным механизмом, не допускающим критического разрушения сложившихся на данном этапе развития общественных отношений и самой человеческой цивилизации. Подтверждением тому, можно найти в высказывании Ю. Н. Ха-

рари, который считает, что предстоящая технологическая революция может установить власть алгоритмов, и тогда об индивидуальной свободе можно забыть. Робототехника способна вытеснить огромное количество людей с их рабочих мест. Небольшая элита может править с помощью цифровой диктатуры благодаря алгоритмам больших данных. Технологическая революция может обернуться катастрофой, если что-то пойдет не так [3].

По другую сторону от негативных оценок и прогнозов взаимодействия техники и человека находятся сторонники идей жизненно важной необходимости технологического развития, культивирующие технику и технологии в качестве преимущественного средства для развития и совершенствования человека. В своих крайних мнениях сторонники развития техники считают, что именно технологии позволят сформировать наиболее совершенный путь развития человечества.

Так, например, Э. Тоффлер полагал, что микроэлектронная революция увеличивает мощь человеческого интеллекта. Технологические новшества оказывают влияние на социальную структуру общества. По существу, рождается новый цивилизационный уклад, в котором принципиально иной будет сфера труда, управления, досуга [4, с. 53].

Таким образом, мнения различных исследователей влияния техники и технологий на человека и общество порой диаметрально противоположны, что впрочем, не отменяет, а иногда лишь замедляет или ускоряет процессы развития принципиально новых технологий.

Формирование цифровой реальности происходило в течение нескольких этапов информационно-технологической революции, описанных Дж. Коэном [5, с. 210–256.]. Анализируя периоды и процессы описываемых этапов, можно сделать вывод, что они не имеют точных границ завершения и могут длиться и развиваться в течение последующих этапов. Их очередность достаточно условна, так как несколько этапов могут начинаться практически параллельно друг другу во времени. Каждый следующий этап технологического развития основывается на открытиях предыдущего или как было сказано выше параллельного этапа и вызывает усиливающий эффект в развитии новых технологий на новом этапе, который в свою очередь формирует платформу для следующего нового технологического прорыва. Кроме того, по мнению М. Кастельса, основанного на анализе исторического опыта индустриальных революций, «первая» информационно-технологической революция может являться лишь подготовительным этапом нового технологического скачка для формирования принципиально новых изменений в обществе и общественных отношениях [6, с. 59].

Наибольший интерес для понимания процессов формирования цифровой реальности и ее развития представляет именно четвертый этап информационно-технологической революции, связанный с формированием глобального информационного пространства. Рассматривая данный этап, можно утверждать, что предыдущие три этапа были лишь подготовительными для формирования технической возможности транслирования в планетарном масштабе информационных потоков в «цифровое общество». С одной стороны, информация представляет собой лишь сведения, несущие новые знания о предметах, фактах, со-

бытиях или явлениях и, как правило, связана с познавательной функцией человека, что в свою очередь указывает на добровольность выбора человеком получения и принятия информации. Так, А. Р. Алиев характеризует информацию как «систему идеальных (субъективных) образов объектов, процессов и явлений окружающего нас мира в сознании человека, а также множество признаков, присущих материи и формирующих идеальные образы» [7, с. 8].

С другой стороны, по мнению И. А. Умновой-Конюховой неотъемлемым важным аспектом понимания информации является ее привязанность к источнику, носителю, месту, времени и другим характеристикам ее идентификации, что исключает нейтральность ее характера [8, с. 58]. Соглашаясь с данным мнением, полагаем, что информация, распространяемая в информационном пространстве, никогда не может быть «обезличенной» и всегда имеет источник, свою целевую аудиторию, цель и планируемый результат воздействия.

Глобальность процессов формирующейся цифровой информационной среды ярко отражается в высказывании В. Моско, который утверждает, что «появление Интернета означает примерно то же, что и появление мирового языка, экономики, политики. «Всемирная паутина» являет собой пример практической модели законченной информационной глобализации...» [9, с. 310].

Параметры такой «цифровой глобализации» можно, например, оценить из ежегодных отчетов статистики интернета американской компании Global Digital. Наибольший интерес в этом отчете представляет показатель численности пользователей социальных сетей в мире, который на январь 2022 года насчитывает 4,62 млрд пользователей, или 58,4 % от общей численности населения мира и увеличился за 2021 год на 424 млн новых пользователей, или на 10 %, а по отношению к 2012 году выросло в 3,1 раза. Таким образом, за последнее десятилетие количество пользователей социальных сетей росло в среднем на 12 % в год [10].

Эти стремительные темпы прироста численности интернет-пользователей и пользователей социальных сетей ярко указывают на интенсивное расширение цифровой среды и погружения в цифровую реальность большей части населения планеты. По мнению В. В. Сорокина, в настоящее время в цифровой реальности идут революционные преобразования по созданию новейшей человеческой формации – сетевого общества или Сети, где «неуклонно устанавливаются связи всех со всеми» [11, с. 62].

Полагаем, что подтверждением интенсивного влияния цифровой реальности на общество, общественные отношения и начавшейся существенной корректировке имеющихся или создания в ближайшее время новых механизмов их регулирования может являться утверждение И. А. Умновой-Конюховой о непрерывном возрастании значимости информации в условиях интенсивного развития цифровых технологий, расширения интернет-пространства, формирования сетевых систем управления обществом [8, с. 54].

Также подтверждение гипотезы о создании механизмов внешнего и внутреннего влияния на общество и общественное мнение, и как следствие, возможного управления этим самым обществом можно найти в высказывании Дж. Дорси, сооснователя американской компании социальных сетей Twitter, Inc.,

который заявил, что «моей крупнейшей ошибкой было вкладываться в разработку инструментов, которые позволили бы компании управлять общественным мнением, а не в инструменты, которые помогли бы пользователям Twitter управлять своим мнением самостоятельно. Это обременило нас чересчур большой властью и сделало уязвимыми для давления извне» [12].

Помимо воздействия на огромное количество людей через социальные платформы, существенные изменения под воздействием цифровой реальности происходят в государственном управлении, праве, производственной и непроизводственной сферах экономики, финансах, образовании и науке, социальной сфере, медицине, обороне и безопасности, международных отношениях и других. Наверное, нет ни одной сферы деятельности человека, на которую не оказывается влияние цифровой реальности.

Например, в сфере государственного управления уже длительное время в целом ряде государств происходит цифровая трансформация государственного управления. Многие государства уже прошли путь или проходят стадию формирования «цифрового государства» (США, Сингапур, Япония, Китай, Южная Корея и др.). В отечественном варианте цифровая трансформация осуществляется в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление». Однако, необходимо отметить, что цифровизация сферы государственного управления и механизмов формирования государственной власти создает значительные риски и является серьезным вызовом самому институту современного государства и его основополагающему признаку – суверенитету.

Таким образом, можно утверждать, что цифровая реальность оказывает существенное влияние на общество, государство и право, воздействует на все сферы жизнедеятельности и сознание человека. Существовавшие в течение нескольких столетий традиционные ценности, правовые и социальные нормы трансформируются в условиях цифровой реальности. Как отмечает Т. Я. Хабриева, в цифровой реальности возникают не существовавшие ранее общественные отношения, например, субъектами которых являются «цифровые личности», действия, связанные с робототехникой или новой цифровой сущностью (например, криптовалютой) [13]. Наблюдается всеобщее признание и активное продвижение процессов цифровизации, выражающейся в создании «цифровой личности», «цифрового общества», «цифровой демократии», «цифровой экономики», «цифрового правительства» и «цифрового государства», фактически взрывном развитии и распространении социальных сетей, всевозможных мессенджеров, цифровых сервисов и всевозможных платформ, электронных денег, электронных двойников и т. д. Данные процессы сопровождаются сбором огромного объема информации о пользователях этих цифровых сервисов, платформ и социальных сетей, их физиологических, идеологических, моральных, политических и других предпочтениях. В результате чего с учетом уже имеющихся в настоящее время возможностей цифровых систем обрабатывать большие объемы данных и быстрым развитием искусственного интеллекта, можно говорить не только о формировании цифровой среды, но и о формировании в ней технологической возможности внешнего воздействия непосредственно на сознание человека.

Учитывая, что новые технологии способствуют практически не контролируемым процессам цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека и возможного воздействия на его сознание, полагаем необходимым сформировать защитные правовые механизмы, регулирующие безопасный для человека, общества и государства, уровень допустимой разработанности в сфере цифровых технологий. Полагаем, что дальнейшие исследования в сфере цифровых технологий должно придерживаться «осторожного прогресса», особенно в отношении таких технологий как искусственный интеллект и нейротехнологии, большие данные, высокоскоростная беспроводная связь, сенсорика и робототехника, а также квантовые технологии. Подтверждение данному утверждению, можно найти в высказывании Н. В. Кравчук, которая считает, что уровень применения новых технологий должен соответствовать уровню развития и интересам общества [8, с. 197].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Доклад Генерального секретаря на Ассамблее тысячелетия ООН (Пятьдесят четвертая сессия) «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке» 27.03.2000. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/144358> (дата обращения: 22.11.2022).
2. Зиферле Р. П. Исторические этапы критики техники // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 257–272.
3. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=649347&p=1> (дата обращения: 22.11.2022).
4. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2002. 776 с.
5. Cohen J. Cyberspace fs/and space // Columbia law review. 2007. Vol. 107. P. 210–256.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура М. : Гос. ун-т. Высш. шк. Экономики, 2000. 608 с.
7. Алиев А. Р. Международно-правовое регулирование в сфере информационного противоборства. М., 2017. 69 с.
8. Государство и право в новой цифровой реальности : монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. И. А. Умновой-Конюховой и д-ра техн. наук, проф. Д. А. Ловцова. М. : РАН. Инион, 2020. 259 с.
9. Mosco V. After the Internet: New Technologies, Social Issues, and Public Policies // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 10. Is. 3. P. 310–313.
10. Вся статистика интернета и соцсетей на 2022 год – цифры и тренды из отчета Global Digital 2022. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 23.11.2022).
11. Трансформация права в цифровую эпоху : монография / под ред. А. А. Васильева. Барнаул : Алтайский государственный университет, 2020. 432 с.

12. Основатель Twitter считает себя виноватым в том, что в соцсети есть политическая цензура. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16587451> (дата обращения: 14.12.2022).

13. Хабриева Т. Я. Право перед вызовом правовой реальности : доклад. URL: https://izak.ru/img_content/pdf/Право%20перед%20вызовами%20цифровой%20реальности.pdf (дата обращения: 24.11.2022).

УДК 347

Калинина Екатерина Алексеевна

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

Kalinina.kalin@icloud.com

Орловская Ирина Викторовна

старший преподаватель

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

irinorlovskaya@yandex.ru

Перспективы применения информационных технологий при осуществлении правосудия судами Российской Федерации

В статье предлагаются способы применения информационных технологий при осуществлении правосудия судами. Исследование действующих норм ГПК РФ и КАС РФ позволяют выявить актуальные проблемы института «электронного правосудия».

Ключевые слова: электронное правосудие, протокол судебного заседания, открытость правосудия, доступность правосудия, права участников процесса, замечания на протокол судебного заседания.

Kalinina Ekaterina Alexeevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Orlovskaya Irina Viktorovna

senior lecturer, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Prospects for the use of information technologies in the administration of justice by the courts of the Russian Federation

The article suggests ways of using information technologies in the administration of justice by courts. The study of the current norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the CAS of the Russian Federation allows us to identify the actual problems of the institute of “electronic justice”.